

Образы нации в социальных медиа по миграционной тематике: сравнительный анализ групп «ВКонтакте» Азербайджана, Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана и Таджикистана*

Н. Д. Трегубова, А. М. Степанов, П. П. Лисицын

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Трегубова Н. Д., Степанов А. М., Лисицын П. П. Образы нации в социальных медиа по миграционной тематике: сравнительный анализ групп «ВКонтакте» Азербайджана, Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана и Таджикистана // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2023. Т. 15. Вып. 2. С. 398–417.
<https://doi.org/10.21638/spbu13.2023.212>

Настоящая статья раскрывает результаты конкретного исследования в рамках проекта, направленного на анализ онлайн-активности мигрантов в Россию из Азербайджана, Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана. Статья находится на пересечении миграционных исследований и исследований национализма. Предметом для рассмотрения в ней служат образы нации и связанные с ними дискуссии, которые возникают в онлайн-сообществах по миграционной тематике. В качестве объекта эмпирического анализа выступают пять групп «ВКонтакте», в которых обсуждаются новости и различные сюжеты о стране исхода, в том числе связанные с миграцией в Россию. В качестве методов анализа выступает онлайн-наблюдение, дополненное дискурс-анализом. Авторы стремятся ответить на следующие вопросы: на основании чего строится образ нации в каждой из групп? Что в нем оспаривается, а что является предметом согласия? Как соотносятся в обсуждениях образ нации и принадлежность к исламу? Как характеризуется миграция в Россию? На основании проведенного анализа авторы формулируют три образа нации: «модернизирующееся государство» (Казахстан, Кыргызстан), «мусульманская нация, но не исламское государство» (Узбекистан, Таджикистан), «нация, сплавиваемая общими врагами» (Азербайджан). Для первого основные источники напряженности — это отношения «народ — власть», классовое разделение и векторы развития страны на международной арене. В рамках второго ислам рассматривается как важная составляющая национальной культуры, в связи с чем возникают дискуссии, какая принадлежность — к своей нации или к исламу — является более значимой. Для третьего характерно внутреннее разделение по различным признакам, которые отходят на второй план в объединении против внешнего врага. В завершение статьи авторы обсуждают следствия полученных результатов для анализа миграционных процессов на постсоветском пространстве, в том числе для исследований радикализации мигрантов.

Ключевые слова: миграция в Россию, транснациональная миграция, национализм, Средняя Азия, Азербайджан, социальные медиа, социальные сети, ислам.

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, грант № 18-78-10049.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2023

Введение

Настоящая статья находится на пересечении миграционных исследований и исследований национализма. Предметом для рассмотрения в ней выступают образы нации и возникающие в их отношении дискуссии в онлайн-сообществах, связанных с миграцией в Россию из Азербайджана и стран Средней Азии.

Сегодня Россия — одна из крупнейших в мире стран, принимающих международных мигрантов¹. Большинство мигрантов в Россию приезжают из других стран постсоветского региона. Причем если в 1990-х гг. люди приезжали в Россию преимущественно с целью окончательного переезда [1], то с конца 1990-х гг. миграция в Россию — это прежде всего временная трудовая миграция [2; 3].

В рамках данной статьи для нас оказываются важными несколько характеристик миграционных процессов в связи с процессами нациестроительства (nation-building) на постсоветском пространстве.

Во-первых, миграция на постсоветском пространстве отчасти воспроизводит советские тенденции [4]. Советские территориальные границы и классификация на основе национальности [5] сохраняют свое значение как при разработке миграционной политики в странах СНГ, так и для организации повседневной жизни мигрантов и для их восприятия местным населением. В частности, массовая трудовая миграция в Россию из стран Средней Азии и Кавказа наследует миграционным потокам из «южных республик» в Москву и Ленинград [6].

Во-вторых, интенсивность миграционных потоков оказывает существенное влияние на процессы нациестроительства в странах бывшего Советского Союза [7]. Факт массовой миграции в Россию получает различные интерпретации в разных версиях российского национализма [2; 8] и оказывается важным для восприятия мигрантами себя и своей страны [9]. Вместе с тем проекты нациестроительства в этих странах — как и характеристики самих миграционных процессов — оказываются укоренены в советской истории [5; 10]. Принятые советским правительством решения и их воплощение в жизнь «на местах» оказываются ключевыми для тех вариантов образа нации, которые возникают в странах Средней Азии [11] и в Азербайджане [12].

В-третьих, вопросы национализма и этнической принадлежности в странах бывшего Советского Союза связаны с религией [13; 14]. При этом в отношении ислама фиксируется амбивалентность: в странах с мусульманским большинством он может рассматриваться и как ключевая, существенная составляющая образа нации, и как противостоящая ему наднациональная идентичность [13]. Если формы ислама, исторически сложившиеся и принятые в данном регионе, как правило, подкрепляют национальную и этническую идентичность, то радикальный ислам ставит ее под вопрос или ослабляет ее значение [15]. При этом среди стран СНГ религиозная политика, ограничивающая радикальные (а иногда и более традиционные) формы ислама, характерна для Таджикистана и отчасти для Узбекистана [16]. Соответственно, при рассмотрении миграционных потоков в Россию оказывается

¹ Так, согласно данным ООН, в 2017 г. Россия занимала четвертое место среди принимающих стран для международных мигрантов. — International Migration Report 2017. URL: https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/publications/migrationreport/docs/MigrationReport2017_Highlights.pdf (дата обращения: 23.06.2022).

актуальной проблема радикализации мигрантов, особенно из стран с мусульманским большинством, которые попадают в России в более свободную религиозную среду [17]. Вместе с тем для многих мигрантов-мусульман в России ислам способствует их интеграции через включение в сети взаимопомощи и доступ к институтам, возникающим вокруг мечетей [18].

В-четвертых, характеризуя саму миграцию в Россию, следует заметить, что зачастую это транснациональная миграция (особенно если мы говорим о трудовой миграции из стран Средней Азии) [19; 20]. Транснационализм предполагает «одновременное включение мигранта в социальные сети как страны исхода, так и принимающего сообщества, характеризующееся постоянным движением мигранта между разными национальными пространствами, повседневными мирами, финансовым участием в экономике страны исхода и экономической активностью в принимающем государстве» [21, с. 119]. Иными словами, транснационализм можно характеризовать как состояние «здесь и там»: пребывая в другой стране и участвуя в ее экономической и социальной жизни, мигрант продолжает участвовать в жизни своей родины.

Наконец, для понимания современных миграционных процессов необходимо анализировать то, как мигранты используют онлайн-технологии [22; 23]. Отдельные исследования, посвященные анализу онлайн-активности мигрантов из стран СНГ в Россию и использованию ими социальных медиа, фиксируют важность этой активности для конструирования национальных и иных идентичностей [9; 24], для экономических практик мигрантов [25], равно как и для поддержания транснациональных связей [26].

Таким образом, анализ специальной литературы позволяет сделать вывод, что факт массовой миграции из бывших республик Советского Союза в Россию оказывается важен не только для экономики стран исхода и страны приема мигрантов, не только для социальных связей и культурных практик, но и для характера нациестроительства в этих странах, для образа нации и типов национализма, которые в них возникают. При этом для стран с мусульманским большинством важно еще и влияние ислама, разные формы которого могут рассматриваться как поддерживающие национальную идентичность или как враждебные ей.

В данном отношении особый интерес представляют страны Средней Азии. Проекты нациестроительства в них, как было отмечено, тесно связаны с решениями, принятыми в советский период, а существующие национальные идентичности накладываются на иные — локальные, региональные, религиозные и др. — важные для досоветской истории региона [11]. Вместе с тем в специальной литературе фиксируется относительная «закрытость» региона и, как следствие, преобладание исследований национализма «сверху вниз» — тех дискурсов, которые формулируются и транслируются политическими и культурными элитами [27].

Настоящее исследование стремится отчасти заполнить этот пробел. В широком смысле оно может быть отнесено к направлению «повседневного национализма» [28]. Мы анализируем, как «образы нации» возникают «снизу», на материалах дискуссий в социальных сетях в группах миграционной тематики, обращая особое внимание на соотношение образа нации и ислама, а также на роль, которая отводится факту массовой миграции в Россию.

Проблема и методология исследования

Настоящая статья раскрывает результаты конкретного исследования в рамках проекта, направленного на анализ онлайн-активности мигрантов в Россию из пяти стран: Азербайджана, Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана². Основное внимание исследовательского коллектива в рамках проекта было сосредоточено на различных группах миграционной тематики в социальных сетях (на материалах сети «ВКонтакте»)³: на содержании постов и комментариев и на динамике дискуссий.

В рамках проекта при анализе вопросов, связанных с транснационализмом мигрантов, было зафиксировано различие между тематизацией миграции из Азербайджана и Казахстана, с одной стороны, и Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана — с другой [9; 26]. Это деление соответствует объему и характеру миграции: Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан являются крупнейшими странами-донорами для трудовой миграции в Россию; миграция из Казахстана и из Азербайджана не столь значительна и более разнообразна по своим целям. При анализе вопросов, связанных с радикализацией мигрантов, также была выявлена страновая специфика, однако страны сгруппировались по-иному. Для Азербайджана было зафиксировано наибольшее число групп «ВКонтакте» и иных онлайн-источников с радикальной риторикой, причем связанные с Азербайджаном группы обычно сочетали идеи национализма с тематикой ислама. Онлайн-источники, относящиеся к странам Средней Азии, напротив, были немногочисленны и в основном представляли один из типов дискурса: национализм, региональный сепаратизм или религиозный радикализм [16].

Таким образом, разделение по характеру транснационализма мигрантов из разных стран не совпадает с разделением между преобладающими типами радикализма⁴. Здесь возникает исследовательская проблема: чем объясняется такое несовпадение?

В качестве предварительного ответа авторами была сформулирована следующая *гипотеза*: характер транснационализма мигрантов из стран СНГ в Россию, с одной стороны, и их восприимчивость к радикальным дискурсам, с другой сто-

² Выбор стран связан с несколькими обстоятельствами. Прежде всего, это величина миграционных потоков. По данным МВД РФ, в 2019 г. Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан входили в число семи государств, из которых в Россию приезжает наибольшее число мигрантов. Кроме того, в каждой из пяти стран преобладает мусульманское население, что позволяет сравнивать значение ислама для организации повседневных практик и формирования идентичностей мигрантов из этих стран. Наконец, приезжие из этих стран — так называемые видимые мигранты (*visible migrants*): они легко идентифицируются местным населением именно как мигранты.

³ Выбор социальной сети «ВКонтакте» определяется тем, что это самая популярная социальная сеть в России и одна из наиболее популярных в странах СНГ [25].

⁴ В настоящей статье в фокусе внимания находится образ нации и типы национализма, а не типы радикализма и степень радикализации. Однако необходимо кратко охарактеризовать наш подход к пониманию радикализма и радикализации. В исследованиях радикализма и экстремизма важный вопрос заключается в том, как проводить черту между первым и вторым. Мы различаем радикализм и экстремизм по двум критериям. Во-первых, экстремистские высказывания содержат в себе призывы к действию, в то время как радикальные высказывания отсылают к некоторой точке зрения. Во-вторых, радикализм восстает против статус-кво, в то время как экстремизм направлен против всех, кто не разделяет догматические взгляды, которых придерживается некоторая группа. Более подробно наш подход к анализу радикализма и радикализации представлен в [16].

роны, определяются разными социально-историческими процессами. Транснационализм связан прежде всего с характером миграционных потоков в Россию (их величиной и преобладающими целями миграции), радикализация — со спецификой процессов, происходящих в странах исхода. Поэтому мигранты, характеризующиеся сходными транснациональными практиками, но приехавшие из разных стран, будут чувствительны к разным типам радикального дискурса.

Для проверки гипотезы было организовано исследование, направленное на анализ точек напряженности и оспаривания в общедоступных популярных группах «ВКонтакте» по миграционной тематике. Такие группы имеют широкую аудиторию, существенную часть которой составляют транснациональные мигранты, их аудитория отличается от узкой и часто закрытой аудитории групп с радикальной риторикой. Вместе с тем в общедоступных группах возникают дискуссии, в которых иногда обсуждаются вопросы, сходные с теми, что определяют фокус внимания в группах с радикальной риторикой, — роль радикального ислама, проблемы регионального сепаратизма, национализма, критика собственного правительства.

Таким образом, эмпирический материал, предоставляемый группами, позволяет проверить выдвинутую гипотезу. Материалы общедоступных популярных групп по миграционной тематике позволяют увидеть тот «фон», на котором происходит радикализация, и соотнести его с характером транснационализма мигрантов и с социальными процессами в странах исхода. И здесь принципиальным является формируемый участниками группы образ нации, по отношению к которому далее могут возникать те или иные разновидности радикальных дискурсов.

Основной вопрос, на который стремились ответить авторы в рамках исследования, формулируется следующим образом: на основании чего строится образ нации в каждой из групп? Что в нем оспаривается, а что является предметом согласия для участников группы? В качестве *дополнительных* выступают следующие вопросы: как в обсуждениях соотносятся образ нации и принадлежность к исламу? Как в обсуждениях характеризуется миграция в Россию?

В качестве эмпирического материала для анализа для каждой из пяти стран был выбран один пример социальных медиа — одна популярная группа из социальной сети «ВКонтакте», в которой обсуждается и тематизируется жизнь в странах исхода, а также миграция в Россию. Были выбраны группы типа «национальные СМИ» («информационные группы»), обсуждающие широкий спектр новостей и различных сюжетов о стране исхода, в том числе новостей по миграционной тематике⁵. В таких группах наиболее широко обсуждается жизнь в стране исхода, что приводит к возникновению дискуссий и конфликтов, в которых затрагиваются национальные и религиозные вопросы. Участниками групп являются как мигранты или члены национальных диаспор в России (и в других странах), так и те, кто не по-

⁵ Электронные адреса групп находятся у авторов статьи и могут быть предоставлены по запросу. Численность групп (на сентябрь 2021 г.) — от 60 до 142 тыс. участников. Выбор групп происходил в два этапа. На первом этапе осуществлялся поиск групп «ВКонтакте» по ключевым морфемам (мигрант*, миграц*, азер*, казах*, киргиз*, таджик*, узбек* и др.). Здесь вручную было отобрано более 2000 групп. На втором этапе в качестве критериев отбора выступали: а) центральность (по результатам сетевого анализа выборки, сформированной на первом этапе); б) отчетливая тематизация миграции в Россию; в) интенсивность взаимодействий в группе. Более подробно типологию групп «ВКонтакте» по миграционной тематике см. в [9].

кидал свою страну или вернулся в нее. Обсуждения в группах ведутся и по-русски, и на национальных языках, с преобладанием русского языка.

Сбор данных проходил в апреле 2021 г. Для анализа в каждой из групп были выбраны посты с января 2019 по 20 апреля 2021 года с наибольшим числом комментариев. Порог числа комментариев устанавливался в зависимости от интенсивности дискуссий в группе (для казахстанской и кыргызстанской групп — от 50 комментариев к посту, для таджикстанской группы — от 150, для узбекистанской — от 200, для азербайджанской — от 500). Посты просматривались вручную, их выдача упорядочивалась с помощью инструментария для анализа социальных сетей Popsters. Для анализа были выбраны посты, где в самом посте и/или в последующем обсуждении возникали споры и дискуссии по национальной и религиозной тематике. Особый интерес представляла ситуация, когда точки напряжения возникали в дискуссиях на нейтральные темы. Всего было проанализировано 155 постов, а также комментарии к каждому из этих постов (число комментариев варьировалось от 50 до 1189).

В качестве методов анализа выступало онлайн-наблюдение, дополненное дискурс-анализом постов и комментариев. Выбор онлайн-наблюдения обусловлен тем, что исследовательский коллектив интересовали категории и смыслы, возникающие, поддерживающиеся и трансформирующиеся в ходе взаимодействия участников онлайн-групп. В качестве базовых единиц онлайн-наблюдения принимались пост в группе и тред обсуждения (набор комментариев под постом)⁶. Дискурс-анализ онлайн-дискуссий, дополняющий онлайн-наблюдение, был направлен на выявление бинарных оппозиций «мы — они», в том числе в отношении России и россиян. Была выбрана такая его разновидность, как критический дискурс-анализ, который позволяет выявить взаимосвязь между значениями конкретных текстов и более широкими социальными и культурными процессами их производства [31]. Онлайн-наблюдение позволило зафиксировать основные моменты дискуссии и точки согласия для участников группы по поводу образа нации, дискурс-анализ — дополнить эту динамическую картину выявлением оппозиций «мы (нация) — они», лежащих в основании онлайн-дискуссий.

При анализе собранных материалов мы также использовали концепцию пространства внимания [32]. Термин «пространство внимания» характеризует символы и идеи, которые важны для некоторого сообщества и постоянно возникают во взаимодействиях его членов. Пространство внимания является ограниченным: некоторые символы находятся в центре внимания, в то время как другие используются эпизодически. Оно структурировано: некоторые символы и идеи противопоставлены друг другу, некоторые, напротив, дополняют друг друга. Принцип ограниченности пространства внимания важен для анализа образов нации, возника-

⁶ В отличие от контент-анализа, направленного на характеристику содержания текстов, онлайн-наблюдение позволяет выявить характеристики самого взаимодействия, разворачивающегося онлайн: реакции одобрения или неодобрения отдельных высказываний, смену темы, возникновение эмоций и т. д. Таким образом, нас интересовали не отдельные высказывания, а то, как разворачивается сама дискуссия в комментариях, как комментарии связаны друг с другом и какую реакцию они вызывали у участников группы (в том числе это предполагает учет количества «лайков» к постам и комментариям). В качестве методологического основания для организации онлайн-наблюдения коллектив использовал теорию цепочек ритуалов взаимодействия [29], адаптированную для анализа онлайн-сообществ [30].

ющих в онлайн-дискуссиях: мы полагаем, что некоторые элементы образа нации будут в центре внимания участников конкретной группы, некоторые — на периферии, и сами группы можно типологизировать по тому, что именно оказывается в центре внимания.

Далее результаты исследования будут представлены следующим образом. Сначала мы характеризуем образ нации, характерный для каждой из пяти групп, причем для каждой в качестве эмпирической иллюстрации будет приведен пример одной онлайн-дискуссии. Затем будет представлена общая типология проанализированных групп, основанная на том, какой образ нации в них преобладает.

Результаты исследования

Кыргызстанская группа

В данной группе большинством участников разделяется представление о том, что Кыргызстан — светское государство и что экономическое и социальное благополучие граждан — это цель, к которой нужно стремиться. При этом часто возникают споры между, условно, либералами и консерваторами (сторонниками как можно более полного следования западному, европейскому образу жизни и их оппонентами).

Центральная дискуссионная тема в группе — международные отношения. Россия, Китай, Запад, исламский Восток рассматриваются как потенциальные союзники-покровители собственной нации. Казахстан предстает как союзник, Таджикистан — как потенциальный противник (в связи с конфликтами на границе). Пребывание мигрантов из Кыргызстана в России (и отчасти в Турции) часто трактуется как причина унижения и ослабления идентичности. Также в обсуждениях фигурируют китайская, арабская и турецкая «угрозы» (страх перед финансовой, демографической и культурной экспансией этих стран) и конфликты с таджиками. В качестве предмета гордости выступает то, что Кыргызстан — единственное демократическое государство в Средней Азии.

В дискуссиях воспроизводятся одни и те же оппозиции: власть (коррупцированная) — народ (терпящий), город — деревня/горы. Последнее иногда накладывается на разделения «либералы — консерваторы» и «атеисты — мусульмане». Кроме того, фиксируются устоявшиеся региональные различия внутри страны (Север — Юг). Значение советского и более раннего прошлого страны также является предметом оспаривания. В отношении этнических границ ближе всего к кыргызам участниками группы позиционируются казахи.

Обсуждения, в которых затрагивается ислам, обычно включают следующие вопросы. Во-первых, является ли ислам составляющей частью национальной идентичности? Во-вторых, является ли радикальный ислам частью ислама? В-третьих, способствует ли ислам экономической отсталости? При этом радикальный ислам и связанный с ним терроризм осуждается всеми участниками дискуссий.

Рассмотрим следующий пост и некоторые комментарии к нему (всего пост получил 143 комментария), чтобы проиллюстрировать выделенные тенденции⁷:

⁷ Здесь и далее сохранена орфография и пунктуация оригинала.

Пост: Кыргызстану предложили поменять государственный флаг. Поместить изображение луны вместо солнца на флаг Казахстана предложил председатель РОО “Союз ветеранов-участников боевых действий на таджико-афганской границе и военных конфликтов” Мурат Мухамеджанов, передает NUR KZ. <...>

Комментарий: Мы все мусульмане, ислам религия кыргызского и казахского народа. Очень хорошая идея.

Ответ на комментарий: наша религия была тенгрианство а ислам навязали

Ответ на комментарий: вы знаете что такое Светское государство? Так вот, Кыргызстан является именно таким государством.

Ответ на комментарий: в нормальном человеческом обществе государство не зависит от религии и религия не управляет государством. Это понятно?

Ответ на комментарий: Вы предлагаете заменить флаг на знак от религии, это уже вмешательство в государственный строй. А Кыргызстан пока многонациональная страна и надо уважать другой народ

Комментарий: Луна это знак что это страна исламская государство это хорошая идея

Ответ на комментарий: <...> Я сам мусульманин, но я против того, чтобы мы руководствовались в принятии решений чем-то ещё, кроме Конституции. Я против того, чтобы мы превратились в один из пособников ИГИЛа*.

Ответ: значить Турция игил*? Или например Малайзия? Ты мусульманин веди себя достойно игиловцы* они не верующие они не мусульмане

Комментарий: Лучше бы придумали как организовать страну для успешного и стремительного развития. Наша молодежь деградирует, в телевизоре ТНТ... Кругом что угодно только не то что приведет к развитию общества.

В данной дискуссии Кыргызстан и его процветание оказываются в центре внимания, а религиозные и этнические различия трактуются участниками дискуссии по-разному и именно в своем соотношении с общенациональной (гражданской) идентичностью. Следует также отметить резкое отмежевание от наиболее радикальных форм ислама у тех, кто провозглашает себя мусульманами.

В целом для дискуссий в кыргызстанской группе характерны баланс различий и прагматизм. Национальная идентичность здесь не привязана ни к религии, ни к языку, ни к близости с другими нациями.

Узбекистанская группа

Для узбекистанской группы характерно превознесение своей нации в сочетании с выражением мусульманской солидарности. Основными объектами порицания и конфликтов здесь становятся отрицание установлений ислама (и политические, и повседневные) и отношения с другими нациями.

Отношения узбекской нации и ислама важны (эта идея разделяется почти всеми участниками группы), однако для кого-то оказывается важнее нация, принадлежностью которой является ислам, ее целостность и традиции, для кого-то — сам ислам. Внутри ислама наблюдаются расколы между сторонниками более и менее строгих религиозных практик. Атеизм и либеральный модернизационный подход

* Организация признана террористической и запрещена на территории РФ.

в его чистом виде определяются в группе как девиация. Узбекистан в основном позиционируется как мусульманская страна, но не как исламское государство⁸. Исламский терроризм осуждается всеми. Иногда возникает критика траты денег на ислам вместо социальных расходов. Также иногда формулируется критика правительства за ограничения в исламе.

Центральной дискуссионной темой является вопрос о том, как разные нации выглядят в глазах друг друга (в том числе в случае миграции в Россию). Национальная и религиозная идентичность важны и являются предметом обсуждения, как и их соотношение. В позитивном отношении они обсуждаются как ислам, объединяющий разные национальности, и как дружба народов, в негативном — как актуализация конфликтов и споры об истории.

Следующий пост в группе и комментарии к нему (всего пост получил 243 комментария) может выступать в качестве примера выделенных характеристик.

Пост: Узбекскую чиновницу из агентства информации взяли под охрану из-за угроз в Сети. Заместителя директора агентства информации и массовых коммуникаций (АИМК) при администрации президента Узбекистана Наргизу Саидову (Рахимову), получившую множество угроз в Сети из-за высказываний с упоминанием пророка Мухаммеда, взяли под охрану спецслужбы, сообщает радио «Озодлик» со ссылкой на ее коллег и источники в правоохранительных органах. <...>

Комментарий: Почему такие новости выкладываете махалля... уберите эту новость пожалуйста это и так ясно что провакация хотите майдан делать у нас? что за провокаторы вы? Фитна чикарвоссил махалла

Комментарий: Как понять мнения разделились? Что за бред астагфрула, это Исламская страна и какие могут быть разделение сторон? Её нужно наказать за такие грязные слова по отношению к нашему Пророку. Астагфрула что там у вас вообще творится в Узбекистане?! Братья и сестры бойтесь гнева всевышнего.

Ответ на комментарий: была бы эта ИСЛАМСКАЯ страна то такого бардака не было бы и люди жили бы лучше не нуждались бы в зарубежных подержках и заработках Аллах дал бы баракат этому государству

Ответ: государство само продвигает джахилию понимаешь? Запрещая нормы Шариата. Людям некуда деваться это да, но куда смотрят «мужчины» которые должны усмирять своих женщин?! Государство никакого влияния не может иметь на личные дела настоящего Мусульманина

Как и в приведенном выше посте в кыргызстанской группе, в данном посте речь идет о соотношении государства и религии. Но здесь в комментариях фиксируется представление о том, что Узбекистан — это мусульманская страна, и дальнейшие дискуссии (насколько и как религия должна быть отделена от государства) проходят на этом фоне. Также следует отметить, что, как и в кыргызстанской группе, высказывается недовольство уровнем жизни в стране и действиями собственного правительства. Однако здесь они связываются еще и с ограничениями в исламских практиках.

⁸ Как отметил один из участников группы в одной из дискуссий, «мусульманская страна, и исламское государства это разные понятие».

Таджикистанская группа

Для таджикистанской группы в основном характерно неформальное общение («болтовня» в комментариях), однако и здесь возникает несколько точек возникновения дискуссий.

Первый повод для дискуссий связан с обсуждением ислама «умеренного» и «строгого» (типичный спор — следует ли праздновать национальные праздники, не противоречат ли они исламу). Здесь разделяется идея о том, что таджики в большинстве мусульмане. Строгий ислам иногда ассоциируется с арабами и тюрками, что делает его враждебным таджикской нации. Тем не менее религия чаще ставится выше нации, а не наоборот. Второй повод для дискуссий и конфликтов — межэтнические отношения: с кыргызами (конфликты на границе), с узбеками (негативные стереотипы), с русскими (боязнь ксенофобии). Эти сюжеты также возникают при обсуждении исторических событий и персонажей (в основном не советской, а более древней истории). Третий повод — это критика правительства вообще и религиозных запретов в частности. Здесь же формулируется идея пассивности таджикского народа.

Кроме того, в группе довольно много обсуждений того, кто как должен себя вести (одеваться, говорить и т. п.) с точки зрения нации и религии. Миграция в Россию обсуждается часто. Иногда в дискуссиях актуализируются региональные разделения, на которые накладываются этнические (например, в связи с Памиром). В целом фокус внимания в группе не на нации, а на исламе.

Рассмотрим следующий пост и некоторые комментарии к нему (всего пост собрал 248 комментариев), чтобы проиллюстрировать выделенные характеристики дискуссий.

Пост: «Правоохранитель» среди белого дня поднял руку на женщину. Я бы не хотела чтобы вот такие «полицейские» служили нашей стране!!!

Комментарий: Мусульманин не имеет право на девушку поднимать руку это очень большой грех

Ответ на комментарий: Эмомали со своей... шайкой хотят искоренить ислам из этой республики, самое обидное что люди это терпят <...> в Дагестане или Чечне этого мента уже бы растоптали как собаку...

Ответ: езжай в Дагестан не клеветай страну ... мудаки они везде есть ... не только в рг .

Ответ: да мы все братья, я ничего плохого не говорю о таджикском народе, а только про правительство

Ответ: просто я подумал что человек должен гордиться своей родиной и ни то что мечтать а даже думать о переезде в другую страну, если бы там все так отлично было, то наши братья таджики которые приезжают в Россию не пытались бы с таким усилием получить гражданство РФ, подумай об этом

В данном посте примечательно, как в ответ на критику правительства (в лице полицейского) возникает оценка его поведения в религиозных терминах, а в ответ на нее снова возникает критика правительства, но теперь уже в отношении религиозных запретов. Так же спонтанно возникают суждение о пассивности собственного народа и болезненная реакция на него. Кроме того, факт миграции в Россию

воспринимается как еще один аргумент для критики собственного правительства, которое делает эту миграцию необходимой.

Казахстанская группа

В казахстанской группе основные поводы для дискуссий связаны с разделением «власть — народ». Назарбаев и его семья — важные символические фигуры. Существует устойчивое (хотя и оспариваемое) представление о том, что страна богатая, а народ живет плохо. Власть критикуют за коррупцию, авторитаризм, неумение модернизироваться. Также ее критикуют за отношения с Китаем (опасаются, что Китай «все купит»). Иногда критикуют и казахстанский народ — за пассивность. Хвалят правительство за мир (отсутствие межэтнических конфликтов и нейтралитет). В связи с критикой правительства возникают споры о том, участвовать ли в политической мобилизации. Регулярно возникают сравнения с Россией и обсуждения того, где жить лучше или хуже; иногда возникают подобные сравнения и с другими странами (чаще всего с Узбекистаном).

Казахстан воспринимается как светское многонациональное государство. Ислам рассматривается как религия большинства, которая, однако, не имеет обязательного авторитета в светском государстве.

В группе также обсуждаются этнические конфликты (в том числе с русскими), в высказываниях отдельных участников фиксируется ксенофобия, но в большинстве случаев национализм и ксенофобия осуждаются. Иногда в обсуждениях прослеживается боязнь обрусения, а также опасение, что многие жители страны уедут в другие страны. Возникают дискуссии по историческим вопросам, в том числе о советском наследии.

Следующий пост и отдельные комментарии к нему (всего пост получил 50 комментариев) может выступить в качестве примера дискуссии в группе.

Пост: СМИ: Мечети начали уничтожать в Китае. Китайские власти начали уничтожать мечети и минареты. Разрушению подверглись постройки в нескольких провинциях, сообщает Independent. <...>

Комментарий: а наш токаев наоборот каждый день там в гостях радостный ходит, кнам в приглошает

Комментарий: Может это просто англичане и американцы так преподносят, у них же война торговая.

Комментарий: Нельзя рушить мечети их нужно строит а не ломать. Вот китай мечети рушит это не хорошо для Китая Аллах всё видит.

Ответ на комментарий: ты лучше попроси у своего аллаха сперва благополучия казахам в казахстане Не нужно лезь в чужой монастырь со своим уставом! Тем более Великий и Могучий Дракон может просто раздавить бауырсакмэнов и даже не почувствовать

Ответ: Недоценивай Казахоv никогда а то тот, кто к нам с плохими намерениями придёт тот в своей кровью подавиться

Данный пост затрагивает отношения государства и религии, и дискуссия могла бы пойти по пути защиты ислама от иноверцев (как почти наверняка было бы в узбекистанской или таджикистанской группах). Однако участники казахстанской группы обсуждают не столько притеснение мусульман, сколько отношения своей

страны с возможным притеснителем — Китаем. В фокусе внимания оказывается развитие Казахстана как нации и как светского государства, а тема ислама отходит на второй план.

Азербайджанская группа

Для азербайджанской группы характерен оспариваемый образ нации. В материалах группы обнаруживается много споров и дискуссий. Значительная часть обширно комментируемых постов — о карабахской войне 2020 г., которая является источником солидаризации для азербайджанцев. В группе также часто вспоминают историю прошлых конфликтов. Право Азербайджана на Карабах практически не оспаривается, развивается историческая и юридическая аргументация в его пользу. Армяне выступают как фигура врага в принципе, а во время военного конфликта они являются объектом унижения и дегуманизации. Однако отдельные армяне могут обсуждаться вполне благожелательно.

Россия рассматривается как союзник Армении и как важный (и враждебный) игрок в регионе, как носитель имперских амбиций. Другой враждебный игрок — это Иран (периодически упоминаются ущемление прав азербайджанцев, территориальные претензии), но при обсуждении ирано-израильского конфликта мнения разделяются (Израиль — политический союзник, зато Иран — исламская страна). Турция рассматривается как союзник, но это обсуждается мало.

В дискуссиях постоянно воспроизводятся этнические стереотипы (такие как: армяне — как цыгане, трусливые; русские — распущенные, империалисты). В группе находятся не только азербайджанцы, но и русские, армяне и др., и часто представители разных национальностей демонстрируют этнические стереотипы в адрес друг друга. Декларируется превосходство своей нации, источники которого — культура (традиции) и религия. В связи с этим оскорбления чести мужчин и женщин, а также отрицание ислама ведут к конфликтным дискуссиям. Вместе с тем в дискуссиях высказывается и идея дружбы народов (особенно когда обсуждается проживание в России, иногда в виде отсылок к общему советскому прошлому), повторяется утверждение о том, что нет плохих наций.

Ислам является и источником солидаризации, и источником расколов (между шиитами и суннитами, между различными мазхабами). Радикальный ислам внушает опасения. Ислам часто понимается как религия народа, исторически ему свойственная. При этом Азербайджан чаще позиционируется как страна с мусульманским большинством, но светское и многонациональное государство (в противовес, например, Саудовской Аравии). Степень светскости государства и общества тоже становится поводом для споров. Другие объединяющие идентичности в группе — тюрки и кавказцы.

Темы модернизации и критики правительства: классовое расслоение, кумовство, нерешительность в отношении Армении (до войны) — возникают, но не являются предметом активного обсуждения. Фигура президента страны во время войны становится фокусом солидарности, при этом от него ожидают решительных действий. Среди участников группы много тех, кто живет в России. Распространено представление, что в России к «нерусским» (мусульманам) относятся враждебно или как к людям второго сорта.

Рассмотрим следующий пост и некоторые комментарии к нему (всего пост получил 869 комментариев) в качестве иллюстрации данных тенденций.

Пост: Израильская неатомная подводная лодка направилась в Персидский залив в качестве предупреждения Ирану. С учетом развертывания здесь американской ударной группировки, все это выглядит очень зловеще. Будет ли война между Ираном и Израилем?

Комментарий: Чего вы радуетесь) В Иране живут 30млн Азербайджанец, они это часть Ирана, соответственно и в Иранской армии служат Азербайджанцы.

Комментарий: Братья не опускайтесь и включите головы! Если правительство Ирана что то делает неправильно,это не значит что виноваты все Иранцы! Мы мусульмане давайте не забывать этого — наше Сила в Единстве! Если даже Израиль Азербайджану помогал то только лишь в своих Интерессах! Израиль Волк в овечьей шкуре. Они враги Ислама Я сам был в Израиле и знаю о чем пишу здесь ! Не теряйте голову братья,размышляйте !

Ответ на комментарий: Ты считаешь иранцев братьями ? Которые открыли границу Россия-Иран-Армения чтобы перевозить ракеты чтобы армяне бомбили мирное населения Азербайджана. Это твоя исламская страна, а сейчас посмотри на Грузию православная страна которая закрыла границу чтобы не перевозить оружие в Армению . Я не знаю почему иранофилы поддерживают эту страну, сам видел иранские сайты где поддерживают армян чтобы бомбили Азербайджанцев, тут не только политика против и народ против Азербайджана.

Комментарий: Ирану должно быть стыдно за своё поведение,помогают не братьям мусульманам а чертям с крестиками на шее. Мы заберём своё

Ответ на комментарий: Иранцы не мусульмане. ИнШаллах разрушится эта страна к чертям. И свои земли вернём и свой 20млн население

Комментарий: Израиль и не мусульманское государство, но поступил Израиль как настоящий брат! С 1991 года Израиль был рядом и поддерживал Азербайджан!

В данной дискуссии участники выдвигают разные критерии для различения «свой — чужой», чтобы отстоять свою позицию, и не могут согласиться, какой критерий важнее. Также примечательно, насколько споры укоренены в истории региона. В частности, тема военного конфликта с Арменией возникает в обсуждении спонтанно, хотя пост и не затрагивает ее.

В целом в фокусе внимания азербайджанской группы — проведение границ и формирование должного образа азербайджанской нации, при этом границы могут оспариваться и извне (армянами, русскими и др.), и изнутри (например, насколько светским должно быть государство).

Типология образов нации в пяти группах

Сравнивая результаты анализа онлайн-дискуссий в пяти группах, можно видеть, что то, о чем спорят и с чем соглашаются участники онлайн-взаимодействий, зависит в первую очередь от образа нации, сформировавшегося в рамках группы. Пять стран могут быть типологизированы следующим образом.

1. Модернизирующееся государство (Казахстан и Кыргызстан). Основные источники напряженности здесь — отношения «народ — власть», классовое разде-

ление и векторы развития страны на международной арене. Ислам воспринимается как религия большинства, которая, однако, не имеет обязательного авторитета в светском государстве. Для обеих стран тематизируется «китайская угроза» (страх перед скупкой земель, миграцией из Китая, влиянием Китая в целом), а отношения с Россией обсуждаются в контексте международных отношений и международной миграции, с которой иногда связывается угроза обрусения, а также проблема ксенофобии россиян.

2. Мусульманская нация, но не исламское государство (Таджикистан и Узбекистан). Здесь ислам рассматривается как важная составляющая национальной культуры. В связи с этим возникают дискуссии, какая принадлежность важнее — к своей нации (обычно понимаемой в этнических категориях) или к исламу. Отличие Узбекистана в том, что там представление о собственной нации более оптимистичное, чем в Таджикистане, где преобладает стереотип о пассивности собственного народа. Критика правительства для этих стран не является фокусом внимания, однако существует и связывается не только с неуспешной модернизацией, но и с религиозными запретами. Миграция в Россию обсуждается, причем иногда она рассматривается как источник унижения нации.

3. Нация, сплавляемая общими врагами (Азербайджан). Точки напряжения здесь связаны как с внутренним разделением, так и с внешними врагами. В первом случае это разделение между атеистами и мусульманами, между мусульманами различных мазхабов, между азербайджанцами и этническими меньшинствами внутри Азербайджана (талышами, лезгинами и др.). Данные оппозиции приводят к вопросам о том, как понимать нацию — как светскую или мусульманскую, как многонациональную или как национальность, как находящуюся в границах страны или как включающую диаспоры в России, Иране и других странах. Внутренние точки напряжения, однако, отходят на второй план в объединении перед внешним врагом, в качестве которого выступают прежде всего армяне. Кроме того, для Азербайджана оказываются важными международные отношения и межэтнические конфликты в кавказском регионе и на Ближнем Востоке, и здесь Россия и Иран воспринимаются как враждебные государства. В связи с миграцией в Россию и проживанием там диаспоры также фиксируется представление о ксенофобии русских.

Выводы

По результатам проведенного анализа можно сделать вывод, что пространства внимания в рассмотренных группах структурированы по-разному: то, что в одних оказывается в центре внимания, в других оказывается на периферии; то, что в одних является предметом оспаривания, в других принимается большинством как само собой разумеющееся. Обобщая полученные результаты, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, национализм в рассматриваемых онлайн-группах разделяется на два типа, которые можно характеризовать как «культурный» и «модернизационный». Первый тип связан с представлением о сохранении особой культуры нации и национальных традиций, второй — с необходимостью эффективной модернизации и экономического развития. Данные типы могут быть соотнесены с классическим делением на этнический и гражданский национализм [33]. Однако важно от-

метить, что основное различие выделенных типов не в том, как соотносятся этнические и национальные границы (так, многонациональность и веротерпимость могут мыслиться как одна из культурных традиций), а в представлении о том, к чему должны стремиться те, кто принадлежит к нации. Оба типа можно проследить в онлайн-источниках каждой из пяти стран. Однако, по результатам нашего исследования, в Узбекистане, Таджикистане и Азербайджане преобладает «культурный» национализм, в Казахстане и Кыргызстане — «модернизационный». При этом оба типа являются потенциальным источником недовольства в отношении России как страны, оказывающей влияние на состояние дел в стране исхода. В первом случае обрусение мыслится как угроза национальной культуре, во втором — Россия воспринимается как страна, тормозящая развитие собственной нации.

Во-вторых, там, где ислам рассматривается как часть национальной идентичности, это именно традиционный ислам, а более «строгие» направления в исламе (например, ваххабизм) часто рассматриваются как потенциально опасные и при этом как чуждые национальной культуре. Религиозные запреты со стороны правительства в Узбекистане и Таджикистане становятся катализатором радикализации лишь для немногих: из интереса к исламу не следует интерес к его радикальным проявлениям. А в государствах, ориентированных на модернизацию, светский характер дискуссий делает идеи радикального ислама чуждыми для большинства. При этом привлекательность радикальных форм ислама (для меньшинства) связана с тем, что они позволяют преодолеть неопределенность и чувство ущербности, которые, по результатам анализа онлайн-групп, в той или иной мере фиксируются для каждой из пяти стран. Радикальный ислам позволяет рассматривать вопросы, связанные с положением и развитием своей нации, как не имеющие значения по сравнению с вопросом о принадлежности к исламу.

В-третьих, проведенный анализ подтвердил выявленное в группах с радикальной риторикой различие между среднеазиатскими государствами, с одной стороны, и Азербайджаном — с другой [16]. Для Азербайджана характерно сочетание различных точек напряженности (религия, направления внутри религии, этничность, направление развития страны и т. д.), тогда как для стран Средней Азии в центре внимания оказываются только некоторые из этих различий. Для Азербайджана также гораздо более актуальной является фигура общего врага. Однако наш анализ позволил дополнить различие, выявленное в группах с радикальной риторикой, более детальной классификацией среднеазиатских государств. Для групп с радикальной риторикой фиксировались радикальная критика собственного правительства, религиозный радикализм и региональный сепаратизм. Анализ популярных групп позволил выявить «мягкие» (не радикальные) формы национализма, связанные с сохранением национальной культуры и религии (Узбекистан и Таджикистан) и с модернизацией нации (Казахстан и Кыргызстан), по отношению к которым и на фоне которых возникают радикальные дискурсы.

Представляется, что выделенная типология образов нации и разновидностей национализма может внести определенный вклад в существующую научную дискуссию. Так, при взгляде «сверху» на проекты политических элит узбекский и таджикский национализм предстают как «зеркальное отражение» друг друга: первый сосредоточивается на территории государства в нынешних его границах, второй — на территории «исторического проживания» нации [11]. Настоящее исследование,

при взгляде «снизу», фиксирует, что данное различие действительно имеет место, проявляясь, например, в более «оптимистичном» характере обсуждений в узбекистанской группе по сравнению с таджикостанской. Однако оно оказывается не так значимо, поскольку для групп обеих стран в центре внимания оказываются одинаковые элементы — культура нации и ислам как традиционная религия — в отличие от казахстанской и кыргызстанской групп, где в центре внимания оказывается проект модернизации светского государства. А в случае Азербайджана настоящее исследование показывает, что конфликт с Арменией является не столько исключением по отношению к политике гражданского национализма [34], сколько важнейшим фактором создания единого образа нации.

Возвращаясь к гипотезе исследования, следует отметить, что она подтвердилась. Образ нации и точки напряженности в общедоступных популярных группах «ВКонтакте» оказываются связанными с тем, что происходит в странах исхода, и сама миграция в Россию оценивается с точки зрения происходящих в стране исхода процессов. Поэтому мигранты, характеризующиеся сходными транснациональными практиками, но приехавшие из разных стран, будут чувствительны к разным типам радикального дискурса — и, добавим, к разным типам национализма. Однако существует различие между содержанием дискуссий в популярных группах в социальных сетях и в группах с радикальной риторикой, которое касается спектра выражаемых позиций. Вполне ожидаемо в общедоступных группах представлена умеренная риторика, что позволяет дополнить картину, полученную на материале анализа радикальных групп.

В завершение статьи следует указать на неизбежные ограничения исследования. Правомерно поставить два вопроса: можно ли распространить результаты исследования за пределы конкретных онлайн-групп, и можно ли распространить их за пределы онлайн-среды? На всех этапах организации и проведения исследования мы стремились выбирать объект (социальная сеть, тип группы, конкретная группа), насколько возможно широко отображающий те миграционные потоки, которые были предметом нашего внимания. Однако онлайн-среда весьма неоднородна. Мы полагаем, что исследователи, анализирующие, к примеру, другие социальные сети или мессенджеры, получают результаты, сходные с нашими, но не идентичные им.

Это еще более верно в отношении второго вопроса: социальные контексты и ситуации офлайн многообразны и по-разному соотносятся с тем, что происходит онлайн. По-видимому, наши выводы характеризуют не столько образ нации, характерный для мигрантов в Россию, сколько образ нации, свойственный населению стран исхода в целом. Однако здесь необходимо сделать три оговорки. Во-первых, в онлайн-дискуссиях участвовали преимущественно люди, знающие русский язык. Во-вторых, социальная сеть «ВКонтакте» характеризуется в большей степени молодежной аудиторией. В-третьих, часть участников группы — это представители диаспор или мигранты во втором поколении, проживающие в России. Для того чтобы понять, насколько каждый из этих факторов внес вклад в полученные результаты, необходимы новые исследования.

Таким образом, мы рассматриваем полученные выводы как материал для формулировки гипотез для дальнейших, более глубоких или более масштабных исследований национализма и транснационализма на постсоветском пространстве.

Литература

1. *Brubaker R.* Aftermaths of empire and the unmixing of peoples: Historical and comparative perspectives // *Ethnic and Racial Studies*. 1995. Vol. 18. Issue 2. P. 189–218.
2. *Malakhov V.S.* Russia as a new immigration country: Policy response and public debate // *Europe-Asia Studies*. 2014. Vol. 66. Issue 7. P. 1062–1079.
3. *Sadovskaya E. Y.* Contemporary international migration in Central Asia and the rise of migrants' diasporas and networks // *Migration and social upheaval as the face of globalization in Central Asia* / ed. by M. Laruelle. Leiden: Brill, 2013. P. 23–49.
4. *Стенанов А. М.* Сравнительный социологический анализ транснациональных практик мигрантов из республик бывшего СССР в России и США: дис. ... канд. социол. наук. СПб.: СПбГУ, 2018. 158 с.
5. *Martin T.* The affirmative action empire: Nations and nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Cornell: Cornell University Press, 2001. 528 p.
6. *Sahadeo J.* Voices from the Soviet Edge: Southern Migrants in Leningrad and Moscow. Ithaca; New York: Cornell University Press, 2019. 288 p.
7. *Фабрикант М. С.* Исследования общественного мнения о мигрантах в современной России: «предложение» нациестроительства или «спрос» на гордость страной? // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2017. № 1. С. 47–60.
8. *Laruelle M.* In the name of the nation: Nationalism and politics in contemporary Russia. New York: Palgrave Macmillan, 2009. 264 p.
9. *Tregubova N.D., Nee M.L.* Beyond Nations and Nationalities: Discussing the Variety of Migrants' Identifications in Russian Social Media // *Changing Societies & Personalities*. 2020. Vol. 4. Issue 3. P. 323–349.
10. *Shcherbak A.* Nationalism in the USSR: a historical and comparative perspective // *Nationalities Papers*. 2015. Vol. 43. Issue 6. P. 866–885.
11. *Абашии С. Н.* Национализмы в Средней Азии: в поисках идентичности. СПб.: Алетейя, 2007. 304 с.
12. *Ergun A.* Citizenship, National Identity, and Nation-Building in Azerbaijan: Between the Legacy of the Past and the Spirit of Independence // *Nationalities Papers*. 2022. Vol. 50. Issue 4. P. 813–830.
13. *Абашии С. Н.* Исламский вызов идее нации? Некоторые соображения на примере Центральной Азии // *Россия и мусульманский мир*. 2016. Т. 285, № 3. С. 73–85.
14. *Aitamurto K.* Discussions about indigenous, national and transnational Islam in Russia // *Religion, State & Society*. 2019. Vol. 47. Issue 2. P. 198–213.
15. *Стародубровская И. В.* Можно ли считать джихадистов рациональными акторами? (на примере Дагестана) // *Пути к миру и безопасности*. 2017. Т. 51. № 1. С. 91–105.
16. *Трегубова Н. Д., Иванова А. А.* Радикализация мигрантов и экстремистский потенциал онлайн-ресурсов: сравнительный анализ сетевых пространств взаимодействий мигрантов из стран СНГ в России // *Коммуникации. Медиа. Дизайн*. 2020. Т. 5. № 3. С. 145–167.
17. *Лисицын П. П.* От суннизма ханафитского мазхаба к салафитизму: общественное мнение и опыт мигрантов // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2018. № 6. С. 234–250.
18. *Turaeva R.* Imagined mosque communities in Russia: Central Asian migrants in Moscow // *Asian Ethnicity*. 2019. Vol. 20. Issue 2. P. 131–147.
19. *Абашии С. Н.* Интеграция vs транснационализм: миграционные стратегии жителей Центральной Азии // *Пути России. Война и мир*. Т. XXII / под ред. М. Г. Пугачевой, В. П. Жаркова. М.; СПб.: Нестор-История, 2017. С. 203–220.
20. *Бредникова О. Е.* (Не)возвращение: Могут ли мигранты стать бывшими? // *Этнографическое обозрение*. 2017. № 3. С. 32–47.
21. *Стенанов А. М.* Транснациональный подход в современных миграционных исследованиях // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология*. 2018. Т. 11. № 1. С. 116–127.
22. *Madianou M., Miller D.* Migration and new media: Transnational families and polymedia. New York: Routledge, 2012. 192 p.
23. *Schrooten M.* Moving ethnography online: researching Brazilian migrants' online togetherness // *Ethnic and Racial Studies*. 2012. Vol. 35. Issue 10. P. 1794–1809.

24. Глухов А. П., Ахметова Л. В., Бычкова М. Н., Гужова И. В., Носова С. С., Окушова Г. А., Стаховская Ю. М. Социальные сети как площадка этнической коммуникации и средство предписания этнонациональной идентичности (сборник материалов исследования). Томск: Издательский дом Томского государственного университета, 2015. 126 с.
25. Тимошкин Д. О. Доверие vs дезориентация: экономика русскоязычных «мигрантских» групп в социальных сетях // Экономическая социология. 2019. Т. 20. № 5. С. 53–73.
26. Трегулова Н. Д., Ни М. Л., Китаева А. А. Транснационализм в режиме онлайн: миграционные исследования в условиях искусственной социальности // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 1. С. 283–303.
27. Isaacs R., Polese A. Between “imagined” and “real” nation-building: identities and nationhood in post-Soviet Central Asia // Nationalities Papers. 2015. Vol. 43. No. 3. P. 371–382.
28. Goode J. P., Stroup D. R. Everyday Nationalism: Constructivism for the Masses // Social Science Quarterly. 2015. Vol. 96. No. 3. P. 717–739.
29. Collins R. Interaction Ritual Chains. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2004. 464 p.
30. DiMaggio P., Bernier C., Heckscher C., Mimmo D. Interaction Ritual Threads: Does IRC Theory Apply Online? // Ritual, Emotion, Violence: Studies on the Micro-Sociology of Randall Collins / ed. by E. B. Weininger, A. Lareau, O. Lizardo. Abingdon; New York: Routledge, 2018. P. 81–124.
31. Jorgensen M., Phillips L. Discourse Analysis as Theory and Method. London: Sage Publications, 2002. 230 p.
32. Коллинз Р. Социология философий: Глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. 1282 с.
33. Фабрикант М. С. Сравнительные количественные исследования наций и национализма: вечный поиск теоретических оснований // Современные проблемы исследований транснационализма и миграции. Том II. Теория, методология, эмпирика сравнительного исследования: поэтика и практика / под ред. А. В. Резаева и П. Кивисто. СПб.: Скифия-принт, 2016. С. 29–42.
34. Broers L., Mahmutlu C. Civic Dominion: Nation-Building in Post-Soviet Azerbaijan over 25 Years of Independence // Nationalities Papers. 2023. Vol. 51. Issue 1. P. 47–63.

Статья поступила в редакцию 23 июня 2022 г.,
рекомендована к печати 31 марта 2023 г.

Контактная информация:

Трегулова Наталья Дамировна — канд. социол. наук; n.tregubova@spbu.ru

Степанов Александр Михайлович — канд. социол. наук; a.m.stepanov@inbox.ru

Лисицын Павел Петрович — канд. социол. наук; fox_sociology@mail.ru

The Images of the Nation in Migrant Social Media: A Comparative Analysis of VKontakte Groups from Azerbaijan, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, and Uzbekistan*

N. D. Tregubova, A. M. Stepanov, P. P. Lisitsyn

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Tregubova N. D., Stepanov A. M., Lisitsyn P. P. The Images of the Nation in Migrant Social Media: A Comparative Analysis of VKontakte Groups from Azerbaijan, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, and Uzbekistan. *Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies*, 2023, vol. 15, issue 2, pp. 398–417. <https://doi.org/10.21638/spbu13.2023.212> (In Russian)

The paper presents the results of a study that is part of a broader project aimed at analyzing online activities of migrants to Russia from Azerbaijan, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan,

* The study was supported by Russian Science Foundation, grant no. 18-78-10049.

and Uzbekistan. This research lies at the intersection of migration studies and nationalism studies. The authors seek to characterize the images of the nation and related discussions in online groups on migration topics. The focus of empirical analysis is five VKontakte groups discussing various news and stories about the country of origin, including news on migration to Russia. The methods are online observation supplemented by discourse analysis of posts and comments. The authors aim to answer the following questions: How do the participants construct the images of the nation? What is debatable and what is in consensus? How are the images of the nation and Islam related? How is migration to Russia characterized? Basing on empirical analysis, the authors characterize three images of the nation: “modernizing state” (Kazakhstan and Kyrgyzstan), “Muslim nation, but not Islamic state” (Tajikistan and Uzbekistan), “nation united by common enemies” (Azerbaijan). For the first one, the main sources of tension are class divisions and vectors of nation’s development. For the second one, Islam is considered as an important part of the national culture, and there are discussions, which type of identity, national or religious, is more significant. The third image is characterized by internal divisions which lose their importance in the face of the external enemy. In conclusion the authors discuss implications of research results for understanding migration processes in the post-Soviet space, including radicalization of migrants.

Keywords: migration to Russia, transnational migration, nationalism, Central Asia, Azerbaijan, social media, social networks, Islam.

References

1. Brubaker R. Aftermaths of empire and the unmixing of peoples: Historical and comparative perspectives. *Ethnic and Racial Studies*, 1995, vol. 18, iss. 2, pp. 189–218.
2. Malakhov V.S. Russia as a new immigration country: Policy response and public debate. *Europe-Asia Studies*, 2014, vol. 66, iss. 7, pp. 1062–1079.
3. Sadovskaya E. Y. Contemporary international migration in Central Asia and the rise of migrants’ diasporas and networks. *Migration and social upheaval as the face of globalization in Central Asia*. Ed. by M. Laruelle. Leiden, Brill, 2013, pp. 23–49.
4. Stepanov A. M. *Comparative sociological analysis of transnational practices of migrants from former Soviet republics in Russia and USA*. PhD thesis. St. Petersburg, St. Petersburg State University, 2018. 158 p. (In Russian)
5. Martin T. *The affirmative action empire: Nations and nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*. Cornell, Cornell University Press, 2001. 528 p.
6. Sahadeo J. *Voices from the Soviet Edge: Southern Migrants in Leningrad and Moscow*. Ithaca; New York, Cornell University Press, 2019. 288 p.
7. Fabrykank M.S. Research on public opinion about migrants in contemporary Russia: Supply of nation-building or demand for national pride? *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2017, no. 1, pp. 47–60. (In Russian)
8. Laruelle M. *In the name of the nation: Nationalism and politics in contemporary Russia*. New York, Palgrave Macmillan, 2009. 264 p.
9. Tregubova N. D., Nee M. L. Beyond Nations and Nationalities: Discussing the Variety of Migrants’ Identifications in Russian Social Media. *Changing Societies & Personalities*, 2020, vol. 4, iss. 3, pp. 323–349.
10. Shcherbak A. Nationalism in the USSR: a historical and comparative perspective. *Nationalities Papers*, 2015, vol. 43, iss. 6, pp. 866–885.
11. Abashin S. N. *Nationalisms in Central Asia: Searching for identity*. St. Petersburg, Aleteia Publ., 2007. 304 p. (In Russian)
12. Ergun A. Citizenship, National Identity, and Nation-Building in Azerbaijan: Between the Legacy of the Past and the Spirit of Independence. *Nationalities Papers*, 2022, vol. 50, issue 4, pp. 813–830.
13. Abashin S. N. Islamic challenge to the idea of nation? Some considerations about Central Asia. *Russia and the Moslem World*, 2016, vol. 285, no. 3, pp. 73–85. (In Russian)
14. Aitamurto K. Discussions about indigenous, national and transnational Islam in Russia. *Religion, State & Society*, 2019, vol. 47, iss. 2, pp. 198–213.

15. Starodubrovskaya I. V. Can we consider jihadists as rational actors? (The case of Dagestan). *Puti k miru i bezopasnosti*, 2017, vol. 5, no. 1, pp. 91–105. (In Russian)
16. Tregubova N. D., Ivanova A. A. Migrants' radicalization and extremism online: Comparative Analysis of the NIS migrants' social networks. *Communication. Media. Design*, 2020, vol. 5, no. 3, pp. 145–167. (In Russian)
17. Lisitsyn P. P. From the Sunni Hanafi Madhhab to Salafism: Public Opinion and Migrant Experience. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2018, no. 6, pp. 234–250. (In Russian)
18. Turaeva R. Imagined mosque communities in Russia: Central Asian migrants in Moscow. *Asian Ethnicity*, 2019, vol. 20, iss. 2, pp. 131–147.
19. Abashin S. N. Integration vs Transnationalism: Migration Strategies of Residents of Central Asia. *Puti Rossii. Voina i mir*. Vol. XXII. Ed. by M. G. Pugacheva, V. P. Zharkov. Moscow; St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2017, pp. 203–220. (In Russian)
20. Brednikova O. E. (Non)Return: Is It Possible to Become an Ex-Migrant? *Etnograficheskoe obozrenie*, 2017, no. 3, pp. 32–47. (In Russian)
21. Stepanov A. M. Transnational Approach in Contemporary Migration Studies. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*, 2018, vol. 11, iss. 1, pp. 116–127. (In Russian)
22. Madianou M., Miller D. *Migration and new media: Transnational families and polymedia*. New York, Routledge, 2012. 192 p.
23. Schrooten M. Moving ethnography online: researching Brazilian migrants' online togetherness. *Ethnic and Racial Studies*, 2012, vol. 35, iss. 10, pp. 1794–1809.
24. Glukhov A. P., Ahmetova L. V., Bychkova M. N., Guzhova I. V., Nosova S. S., Okushova G. A., Stakhovskaya J. M. *Social networks as spots of technical communication and means of ascribing of ethnic and national identity*. Tomsk, Izdatel'skii dom Tomskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 2015. 126 p. (In Russian)
25. Timoshkin D. Trust vs. Disorientation: Economy of the Russian-speaking 'Migrant' Groups in Social Media. The Case of VKontakte. *Ekonomicheskaiia sotsiologiia*, 2019, vol. 20, no. 5, pp. 53–73. (In Russian)
26. Tregubova N. D., Nee M. L., Kitaeva A. A. Transnationalism Online: Migration Research in the Age of Artificial Sociality. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2021, no. 1, pp. 283–303. (In Russian)
27. Isaacs R., Polese A. Between "imagined" and "real" nation-building: identities and nationhood in post-Soviet Central Asia. *Nationalities Papers*, 2015, vol. 43, no. 3, pp. 371–382.
28. Goode J. P., Stroup D. R. Everyday Nationalism: Constructivism for the Masses. *Social Science Quarterly*, 2015, vol. 96, no. 3, pp. 717–739.
29. Collins R. *Interaction Ritual Chains*. Princeton, NJ, Princeton University Press, 2004. 464 p.
30. DiMaggio P., Bernier C., Heckscher C., Mimno D. Interaction Ritual Threads: Does IRC Theory Apply Online? *Ritual, Emotion, Violence: Studies on the Micro-Sociology of Randall Collins*. Ed. by E. B. Weininger, A. Lareau, O. Lizardo. Abingdon; New York, Routledge, 2018, pp. 81–124.
31. Jorgensen M., Phillips L. *Discourse Analysis as Theory and Method*. London, Sage Publications, 2002. 230 p.
32. Collins R. *The Sociology of Philosophies: A Global Theory of Intellectual Change*. Novosibirsk, Sibirskii Khronograf Publ., 2002. 1282 p. (In Russian)
33. Fabrykant M. S. Comparative quantitative research of nations and nationalism: eternal search for theoretical bases. *Sovremennye problemy issledovaniia transnatsionalizma i migratsii*. Vol. 2. Ed. by A. V. Rezaev, P. Kivisto. St. Petersburg, Skifia-Print Publ., 2016. P. 29–42. (In Russian)
34. Broers L., Mahmudlu C. Civic Dominion: Nation-Building in Post-Soviet Azerbaijan over 25 Years of Independence. *Nationalities Papers*, 2023, vol. 51, issue 1, pp. 47–63.

Received: June 23, 2022
Accepted: March 31, 2023

Authors' information:

Natalia D. Tregubova — PhD in Sociology; n.tregubova@spbu.ru

Alexander M. Stepanov — PhD in Sociology; a.m.stepanov@inbox.ru

Pavel P. Lisitsyn — PhD in Sociology; fox_sociology@mail.ru